

Глава 16. Исповедь

— Сунь Линь! Твой папаша спятил! — взхлёб закричал прибежавший мальчишка.

Цзинь Линьэр как раз в этот момент увлечённо спорил с огромным жёлтым псом.

— Что с ним? — Цзинь Линьэр вскинулся.

Мальчишка никак не мог отдышаться, судорожно хватая ртом воздух:

— Он в поле работал, а потом ка-ак рухнет! Бьётся весь, будто падучая расшибла. Старейшина Ли кинулся на подмогу, да куда там — у твоего папы глаза кровью налились, дикий стал, ровно бес в него вселился. Старейшина испугался, побежал к заставе, солдат кликать, чтоб в лечебницу его отвезли. По пути меня встретил и велел тебе передать!

— Мой отец не болен, — Цзинь Линьэр отшвырнул миску и бросился бежать.

Когда он добрался до пашни, солнце уже клонилось к закату.

Кровавый закат окрасил западный край неба. Далёкие горы, подступающие деревья и едва живая, лениво сочащаяся река — всё вокруг погрузилось в густые, тяжёлые сумерки, наливаясь цветом засыхающей туши.

Сунь Цинфэн лежал на земле, бился в жестоких судорогах. Рядом с ним в лужах крови застыли двое дозорных — по их неподвижным телам нельзя было понять, теплится ли в них жизнь.

— Не хворь это. Вы на ногти его гляньте — чистый демон!

— На рожон не лезьте, надо срочно слать весть в Бюро по поимке демонов!

Несколько рослых стражников окружили беснующегося Сунь Цинфэна. Держались они поодаль, опасаясь подойти ближе, и натянуто переговаривались, готовые к самому худшему.

Пользуясь их замешательством, Цзинь Линьэр проскользнул сквозь кольцо оцепления и упал на колени перед отчимом:

— Я здесь, папа! Держись, сейчас я... я... Ох!

Разум Сунь Цинфэна угас. Лишь крупницы древнего инстинкта не позволяли ему растерзать зевак, но мальчик оказался слишком близко. Мужчину свела яростная судорога; сдерживать зверя внутри не осталось сил. Оскалившись, он мёртвой хваткой впился зубами в правое плечо

Цзинь Линьэра.

Боль обожгла плечо, но Цзинь Линьэр даже не пискнул. Вместо этого он крепче прижал к себе бьющегося мужчину, шепча ему на ухо:

— Не бойся, я не брошу тебя. Слышишь? Не уйду. Я что-нибудь придумаю.

С диким рыком Сунь Цинфэн отшвырнул от себя приёмыш и покатился по земле, содрагаясь всем телом.

Солдаты попятились ещё дальше, не смея сделать и шага к безумцу.

Глядя на разлитую под ногами алую жижу, Цзинь Линьэр содрогнулся от омерзения. Ему претила сама мысль о человеческой крови, но сейчас иного пути не было. Ему требовалось спасти отчима, укротить бушующую в нём Призрачную злобу и не позволить чудовищу погубить невинных людей.

В памяти всплыл их недавний разговор о добре и зле. Слова Сунь Цинфэна зазвучали в ушах с новой, сокрушительной силой.

«Покуда твоё деяние не претит долгу и совести, совершить его не зазорно. И пускай за это суждено низринуться в преисподнюю, пусть опалит пламя геенны — какая разница?»

Отбросив сомнения, мальчик опустился на колени, зачерпнул пригоршней тёплую кровь из лужи и жадно припал к ней губами. Человеческая кровь оказалась не такой зловонной, как звериная, но именно из-за осознания того, чья она, с каждым глотком его выворачивало наизнанку. Внутри всё горело и бунтовало.

Но сила подействовала мгновенно. Две золотые лопасти метки на его лбу вспыхнули ровным, чистым светом, а в даньтяне забурлила истинная ци.

Утерев окровавленные губы, Цзинь Линьэр сел прямо и закрыл глаза, переходя к медитации. Капли крови медленно скатывались по его безупречно бледным, словно выточенным из нефрита щекам, но тут же испарялись, уносимые волнами восходящей духовной энергии.

Чёрные одежды, тёмные волосы, взметнувшиеся вопреки безветрию, суровый, отрешённый лик и сияющая золотом печать на челе — в этот миг он походил одновременно и на грозного демона-асуру, и на сострадательного бодхисаттву.

Опешившие стражники, решив, что перед ними парочка нечистивцев, перехватили копья поудобнее и кинулись на застывшего в медитации мальчика.

Но стоило Цзинь Линьэру обуздать и направить силу человеческой крови, как Сунь Цинфэн начал приходить в себя. Мощь, сокрытая в людской плоти, многократно превосходила силу любого домашнего скота. Защитник Золотой печати налился сталью, плечи расправились, и он, совершив резкий выпад, одной рукой переломил древки двух тяжелых копий.

Услышав звуки начавшейся схватки, Цзинь Линьэр прервал медитацию и мёртвой хваткой вцепился в полы халата отчима:

— Не убивай их! Уходим! Нам нужно бежать!

— Не бойся, — глухо выдохнул Сунь Цинфэн.

Он подхватил мальчика на руки и вихрем пронёсся сквозь ряды растерявшихся солдат. Добежав до дома, он схватил длинный меч, заранее собранные дорожные вещи и, взыв в воздух благодаря искусству лёгкости, растворился в сумерках, навсегда покидая городок Облачных ив.

Небеса словно издевались над беглецами — едва стемнело, как зарядил унылый осенний дождь.

Прижимая к груди приёмышу, Сунь Цинфэн упорно пробивался на юг. К ночи они оставили позади больше сорока ли. Осенняя сырость пронизывала до костей; опасаясь, что израненный мальчик простудится, мужчина свернул в глухой лес и отыскал укромную пещеру у журчащего горного ручья.

Рана на плече Цзинь Линьэра оказалась неглубокой. Ещё дома Сунь Цинфэн успел наложить тугую повязку. Кровь больше не шла, но белая ткань успела насквозь пропитаться бурыми пятнами.

Промокший под дождём мальчик бредил в полузабытьи, но он по-прежнему крепко сжимал рукав отчима. Почувствовав, что они остановились, он с трудом приоткрыл глаза:

— Не беспокойся обо мне... Всё хорошо.

Сунь Цинфэн опустил на колени и принялся разводить огонь. К счастью, после затяжной летней засухи валежник в глубине пещеры остался сухим, и вскоре в темноте весело затрещал яркий костёр.

— Дождь смоем все наши следы, — успокаивающе проговорил мужчина, раздувая пламя. — Те дозорные выживут. Они напуганы до смерти, так что в погоню не сунутся.

— Отдыхай. Теперь ты в безопасности.

Сунь Цинфэн бережно стёр грязь и кровь с лица мальчика, велел ему скинуть мокрую одежду, чтобы согреться у костра, а сам снял верхний халат и вышел наружу, к ручью, чтобы наскоро застирать окровавленные вещи.

Вернувшись, он соорудил из веток пару грубых вешалок и развесил сушиться влажную одежду вокруг костра — так импровизированный занавес защищал их от сквозняка и укрывал пламя от случайных глаз снаружи.

Цзинь Линьэр, бледный до синевы, непрерывно дрожал.

Сунь Цинфэн присел рядом, прижал замерзающего мальчишку к себе и, оторвав полосу ткани от чистого рукава, смочил её водой, чтобы промыть рану.

— Сколько раз я тебе повторял? — негромко, с затаённой горечью спросил он. — Если во мне проснётся Призрачная злоба, беги без оглядки. Беги как можно дальше.

— Я никогда тебя не оставлю, — упрямо выдохнул мальчик. — Даже под страхом смерти.

Опасаясь, что эти слова прозвучат излишне самонадеянно или обидно для гордого воина, он поспешно добавил:

— То есть... я не позволю тебе бросить меня. Разве что ты сам по-настоящему меня возненавидишь.

Пальцы Сунь Цинфэна дрогнули. Он бережно присыпал рану целебным порошком, подул, чтобы унять жжение, и, глядя на то, как слаб и незащищен сейчас этот ребёнок, тихо вздохнул:

— Чем же я заслужил такую преданность?..

— Ты самый лучший, — прошептал Цзинь Линьэр. — Лучше всех на свете.

— Спи давай. Языком только чесать горазд, — проворчал отчим, но в голосе его не было злости.

— Только не вздумай уйти, пока я сплю... Не бросай меня, — бормотал мальчик, окончательно теряя силы от боли.

Он начал засыпать. Сквозь пелену полусна он видел лишь пляшущие языки пламени, расплывающиеся в золотистые круги, да две неразрывные тени на неровном своде пещеры — его собственную и укрывающую её тень Сунь Цинфэна.

Гроза разыгралась не на шутку: небо то и дело раскалывали ослепительные молнии, а ливень за стенами пещеры превратился в сплошную ревущую стену.

Тонкие осенние одежды высохли у огня ближе к полуночи.

Сунь Цинфэн осторожно переложил мальчика на охапку подсохшей травы, поднялся и оделся сам. Затем он подержал у костра вещи приёмыша, согревая их, и бережно натянул на него сухую рубаху.

Почувствовав движение, Цзинь Линьэр испуганно распахнул глаза и уцепился за его руку:

— Не уходи!

— Да куда я пойду в такую темень и хлябь? — покачал головой Сунь Цинфэн.

— И когда дождь кончится — тоже не уходи, — Цзинь Линьэр облегчённо перевёл дух, но пальцев так и не разжал. — Я ведь вижу... Ты в последнее время сам не свой. Всё бродил по улицам, высматривал что-то. Ты ведь... ты ведь решил?..

— Говори прямо, не юли, — нахмурился Защитник Золотой печати.

Мальчик густо покраснел, замялся, но всё же выпалил на одном дыхании:

— Ты ведь хочешь завести семью? Найти жену, родить детей?

— Даже если бы я решил жениться, от тебя мне детей точно не дожждаться. Мы оба мужчины, глупая твоя голова. Откуда им взяться?

В мыслях его воцарился полный сумбур. С досады ему хотелось выругаться на чём свет стоит.

«Да будь я бабой, — пронеслось в голове, — родил бы тебе ораву, лишь бы ты перестал нести эту чушь и забивать себе голову чепухой!»

— Я знаю! Я обо всём подумал, — Цзинь Линьэр закусил губу, лицо его сделалось серьёзным и грустным. — Я не хочу разлучаться с тобой. Но и быть эгоистом нельзя — я и так висел у тебя на шее столько лет, а вырасту — стану лишь обузой. Когда ты женишься, я уйду. Но далеко не уеду, поселюсь где-нибудь по соседству. Буду присматривать за тобой, чтобы будущая супруга тебя не обижала. Я женщин бить не стану, но уж поговорить по совести сумею!

Сунь Цинфэн оцепенел. Буквально вчера его самого терзали точно такие же мысли. Хранитель печати и его Защитник Золотой печати связаны неразрывно, но читать чужие души им не дано.

Как этот малец умудрился заглянуть ему в самое сердце? Поразительно.

— Не мели чуши, — отрезал он. — Не собираюсь я жениться. Ни сейчас, ни потом.

— Ну и ладно, — с облегчением улыбнулся мальчик. — Я ведь тоже никого никогда не полюблю. А если нам обоим никто не нужен, мы можем постричься в монахи. Или податься в даосы! Станем странствовать, постигать Дао. Будем всегда вместе, до самой старости. Разве это плохая жизнь?

— Прекрати пороть ерунду. Ложись спать, — Сунь Цинфэн притянул мальчишку к себе, усаживая поудобнее у каменной стены, и ладонью закрыл ему глаза. Он всерьёз опасался, что если тот продолжит говорить, у него самого не хватит сил отказаться от этого заманчивого «хорошо».

Снаружи грохотало, но в глубине сырого грота, озарённого ровным пламенем костра, было тепло и по-домашнему уютно.

Золотая печать, напитавшись человеческой кровью, наделила тело Сунь Цинфэна небывалой силой. Под этот яростный рокот небес он никак не мог успокоиться.

Он медленно убрал ладонь с лица мальчика и тихо выдохнул:

— Да что же ты во мне нашёл такого? Скажи, я изменюсь, честное слово.

Цзинь Линьэр всерьёз принялся загибать пальцы:

— Ты спас меня от погони. Ты готовишь мне еду, чинишь одежду, рассказываешь сказки на ночь. Помнишь, когда я был совсем маленьким и обмочился ночью, ты без единого упрёка выстирал постель? А когда я возвращаюсь грязным после игр в лесу, ты никогда не ругаешься, просто забираешь вещи в стирку. Ты отдал меня в школу и веришь, что из меня вырастет достойный человек. Ты покупаешь мне паровые булочки, сладости, соевый творог, жареное мясо на шпажках... Да всего и не перечить! Ты просто самый лучший.

— Я не хороший человек, Линьэр, — глухо отозвался воин.

— Мне неизвестно твоё прошлое, — мальчик упрямо мотнул головой. — Я не знаю, через что тебе пришлось пройти, кого ты карал и почему. Да мне и дела до этого нет. Я верю тебе. Что бы ни болтали злые языки, что бы ты сам про себя ни говорил — моя вера не дрогнет. Для меня ты всегда будешь самым лучшим.

Сунь Цинфэн замолчал, не находя слов.

Снаружи безумствовала стихия. Вспышки мертвенно-синих молний выхватывали из темноты его правый профиль — суровый, хищный, отмеченный печатью былых сражений. Но тёплый, оранжевый свет костра ложился на левую щёку, смягчая черты лица и делая его взгляд бесконечно мягким.

Прошло много времени, прежде чем он заговорил вновь:

— Я никогда не проливал кровь невинных.

Цзинь Линьэр бережно сжал его широкую, огрубевшую ладонь и принялся согревать её своим дыханием:

— Я знаю. Ты лучший.

— В тот день, — негромко начал Сунь Цинфэн, поддавшись нахлынувшему воспоминаниям, — я получил увольнительную из войска Байхая и вернулся домой, на гору Цинмин. Проспал до самого полудня. А когда открыл глаза, оказалось, что весь завтрак уже съели без меня. Да ещё и пёс мой... издох. Хех, к чему я это вспомнил?

Мальчик уже засыпал на ходу, но, услышав про собаку, пробормотал:

— Значит, у тебя и правда был щенок...

Сунь Цинфэн невольно улыбнулся, и былая тяжесть покинула его лицо.

— В городе тогда почти не осталось защитников. Градоначальник, наслушавшись советов своего дружка, безумной даоски Ху Цзю, велел генералу Чжао Хуаню постичь Божественное искусство Золотого облика, дабы сдержат натиск врага. Но сам правитель был уже слишком стар и слаб, чтобы выдержать ритуал. Тогда я вызвался добровольцем — принёс себя в жертву, чтобы закалить Печать. Кто же знал, что Призрачная злоба хлынет в мою душу? Я не умер, но стал полудемоном. Вместе с генералом Чжао мы устроили такую резню, что реки окрасились багрянцем. С тех пор я обрёк себя на вечную службу Хранителям печати. На границе Белого моря я провел долгих сто девяносто лет.

Цзинь Линьэр тихо лежал у него на груди, боясь шевельнуться и нарушить эту исповедь.

— И за все эти сто девяносто лет, — на губах мужчины заиграла горькая, но гордая усмешка, — ни одна тварь из Гуйфана не сумела перешагнуть ту трещину в земле. Пусть судьба моя сложилась паршиво, я ни о чём не жалею.

Ни единой душе он не открывал эту тайну. Рассказывая о вековом бремени под шум непрекращающегося ливня, он ощущал, как в груди вскипает былая гордость. Он прожил страшную жизнь, но прожил её не напрасно.

Жар у Цзинь Линьэра наконец спал, но тело его всё ещё дышало уютным теплом, согревая отчима.

Сунь Цинфэн неловко повёл плечами, но так и не решился отстранить спящего ребёнка. Не услышав ответа, он подумал было, что напугал мальчика своими откровениями, но, заглянув ему в лицо, понял: тот уже давно сладко спит.

Словно повинувшись неведомому порыву, Сунь Цинфэн осторожно коснулся кончиками пальцев повязки на детском плече и едва слышно прошептал в темноту пещеры:

— Я никогда не оставлю тебя.

А снаружи всё так же гревели небеса, и бушевал проливной осенний дождь.

<http://bllate.org/book/18425/1804900>